

ОБЪ УМЪ
И
МЕТОДЪ ЕГО ВОСПИТАНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ
МИХАИЛА ЗЕЛЕНСКАГО.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1890

KF16817

1890

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Въ горькой истинѣ, высказанной другу, даже съ самымъ благимъ для него намѣреніемъ, кроется опасность превратить его любовь въ озлобленіе.

Но повѣдать ее цѣлому классу интеллигентныхъ людей — есть самопожертвованіе.

Правда, однако, выше всѣхъ личныхъ интересовъ, и потому я рѣшаюсь повѣдать ее, открыто заявивъ, что наши педагоги, за незначительнымъ исключеніемъ, далеко не стоятъ на высотѣ ихъ призванія.

Педагогика вытекаетъ изъ психологіи, какъ всякая прикладная наука изъ своей основной, какъ гигиена и діететика изъ фізіологіи.

Если человѣкъ, не имѣющій понятія о послѣдней, вздумалъ бы въ настоящее время поучать людей гигиеническимъ правиламъ или лѣчить больныхъ, основываясь не на данныхъ науки, а на собственныхъ наблюденіяхъ и мнѣніяхъ, то его почли-бы за чудака или шарлатана.

Люди, слывшіе въ наше время за педагоговъ, пользуясь властью, предоставленной ихъ офиціальнымъ положеніемъ, силою сомкнутой корпораціи, въ огромномъ большинствѣ, выбираютъ методы обученія и воспитанія и назначаютъ программы общеобразовательнаго курса на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ ими лично изъ собственныхъ или чужихъ эмпирическихъ

наблюдений, или вслѣдствіе того, что эти программы приняты у другихъ передовыхъ народовъ. Психологію-же эти руководители, не скрывая, игнорируютъ, мотивируя это тѣмъ, что психологія еще далеко не точная наука, на которую можно было-бы опираться въ своихъ педагогическихъ предначертаніяхъ. Они претендуютъ идти по болѣе вѣрной педагогической дорогѣ, руководствуясь, вмѣсто психологіи, своими индивидуальными познаніями дѣтскаго характера и способностей. При этомъ ими упускается изъ виду, что психологія-то, именно, и учить этимъ познаніямъ. Они противопоставляютъ этой наукѣ, въ созиданіи которой, начиная съ Платона и Галлена, трудились и трудятся очень многіе глубокіе мыслители и геніальные ученые всѣхъ временъ и поколѣній,—наукѣ, составляющей сводъ множества точныхъ наблюдений, анализа и критическихъ изслѣдованій въ области человѣческихъ психическихъ проявленій, сдѣланныхъ даровитѣйшими людьми, противопоставляютъ, повторяю, личныя мнѣнія о томъ, какимъ способомъ нужно руководить юношествомъ для достиженія благихъ для него цѣлей. Какую изъ этихъ двухъ психологій слѣдуетъ избрать средствомъ для педагогики—пойметъ, разумеется, всякій.

Нѣтъ никакой возможности вести правильное воспитаніе ребенка безъ знанія того, что можетъ дать духовная природа каждаго возраста и чего отъ нея нельзя требовать; какую реакцію вызоветъ каждый воспитательный пріемъ въ впечатлительной и формирующейся психической натурѣ юнаго организма.

Нѣтъ сомнѣнія, что между учащими есть истинные труженики, изучающіе психологію и понимающіе ея значеніе, но они, къ несчастію, составляютъ исключеніе, и находятся, обыкновенно на низшихъ ступеняхъ педагогической іерархіи. Огромное-же большинство учителей, особенно инспекторовъ, директоровъ и выше... пришли къ убѣжденію, что „психологія—это я“. Только и слышите отъ нихъ—„я“ придерживаюсь того принципа, на основаніи „моихъ“ наблюдений и т. д.

И въ самомъ дѣлѣ, что за дѣло такому педагогу до выводовъ цѣлаго сонма психологовъ, обобщенныхъ въ психологіи, когда собственное его „я“ такъ продуктивно.

Но еслибы даже у насъ появились педагоги, отвѣчающіе всѣмъ научнымъ требованіямъ, то для ихъ дѣятельности не оказалось-бы ни времени, ни мѣста въ нашихъ общеобразовательныхъ курсахъ, такъ какъ все время воспитанниковъ посвящено исключительно ученію и изъ него ничего не остается для ихъ воспитанія.

И въ самомъ дѣлѣ — отъ 4 до 5-ти часовъ занятій уроками въ классѣ, отъ 4 до 6 часовъ домашнихъ занятій для приготовленія уроковъ, исканія словъ въ лексиконахъ для переводовъ на трехъ или четырехъ иностранныхъ языкахъ, для сочиненій на отечественномъ и др. языкахъ, для рѣшенія математическихъ задачъ и т. п.

И того около 10 часовъ умственного напряженія; прибавьте къ этому необходимое время для отправленія и возвращенія изъ училища, на ѣду и на сонъ. Спрашивается — остается-ли время при такомъ ученіи для воспитанія? Способна-ли такая переутомленная голова воспитанника усвоить себѣ какія либо воспитательныя начала?

Отвѣтъ ясенъ для всякаго безпристрастнаго и здраво разсуждающаго человѣка.

Признаніе факта исключительнаго пріобрѣтенія однихъ только знаній въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ выражается въ самихъ названіяхъ, официально имъ присвоенныхъ. Дѣти, въ нихъ обучающіяся, называются учениками, а преподаватели учителями, для отличія отъ закрытыхъ заведеній, въ которыхъ предполагается воспитаніе. Питомцы послѣднихъ называются воспитанниками, а названіе воспитателей присвоено офицерамъ, учителямъ немѣцкаго и французскаго языка, попавшимъ въ гувернеры, и класснымъ дамамъ.

Такъ какъ въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ ученіе замѣняетъ воспитаніе, то и учителя считаютъ себя педагогами, усвоивъ себѣ это названіе, поддерживаемое другими вслѣдствіе взаимной вѣжливости и угодливости.

Безъ сомнѣнія, призваніе педагога гораздо шире и выше нежели учителя — чиновника или ремесленника, но и учитель педагогъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, стоитъ неизмѣримо высоко въ послѣдовательныхъ градаціяхъ истиннаго воспитанія.

Къ несчастію, такихъ у насъ очень мало, и потому большинство нашихъ учителей являются бичомъ для воспитанниковъ. Послѣдній трепещетъ, отвѣчая урокъ, и замираетъ отъ страха на экзаменѣ. Первая ошибка—невозможность скорого соображенія отвѣта на заданный вопросъ, описка или неправильность, сдѣланная воспитанникомъ подъ давленіемъ страха или неувѣренности въ самомъ себѣ, подвергается строгой и неумолимой цензурѣ и... горе несчастному, горе, очень часто ломающее всю его будущность, всю жизнь юнаго, неудачника-труженика.

Эта мысль, вполне познанная воспитанникомъ, угнетая, дѣлаетъ его еще болѣе ненормальнымъ передъ лицомъ своего учителя.

Еслибы послѣдній былъ педагогъ, то онъ понялъ бы это положеніе; ему стоило лишь перевести свой взоръ съ тетради на воспитанника, чтобы увидѣть смертную блѣдность, покрывающую его лицо, его дрожащія руки — онъ услышалъ-бы страшное бѣненіе сердца, и въ немъ неминуемо явилось-бы жаланіе всестороннее вникнуть въ познаніе учащагося, не доводя его до излишнихъ волненій.

Горькій опытъ неоднократно доказывалъ, что, несмотря на строгое проведеніе принятой системы общеобразованія, она не только не дала и не даетъ намъ людей высокаго ума, даровитыхъ ученыхъ, но даже не образуетъ истинно воспитанной молодежи, потому что при подобной системѣ обученія, какъ мы видѣли, воспитаніе, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, невозможно.

Огромное большинство учениковъ выбрасывается нашими средними учебными заведеніями до окончанія курса изъ своихъ нѣдръ за неспособность писанія классическихъ экстермпоралій и т. п. Эти отверженные даже изъ высшихъ классовъ, умственно притупленные непосильной работой, чисто механическимъ памятнымъ ученіемъ, физически изнеможенные долгимъ сидѣніемъ, безсонными ночами, постояннымъ страхомъ передъ своими педагогами и другими условіями, оказываются въ послѣдствіи негодными ни къ умственному, ни къ физическому труду.

Они даютъ постоянно увеличивающійся контингентъ озлобленныхъ, безпринципныхъ, съ отчаянія на все гото-

выхъ юношей, которыми надѣляется наше общество существующая система среднего образованія.

Даже болѣе или менѣе благополучно прошедшіе черезъ искусъ среднего образованія и кончившіе университетъ являются членами общества, принося лишь съ собою на мѣсто ума и пониманія остатки гимназическихъ знаній, грамматики, классическихъ, языковъ, недостаточное изученіе родного языка и всего остального по немногу, и изъ университета, — наизусть изученныя литографированныя записки профессоровъ. Взаимнѣ неразвитыхъ въ нихъ воспитаніемъ нравственныхъ принциповъ они руководятся чисто-эгоистическими стимулами карьеры, наживы, чему нерѣдко приносятся въ жертву чувство чelовѣческаго достоинства и нравственныя убѣжденія, если послѣднія имѣются. Но и этотъ контингентъ можетъ только существовать болѣе и менѣе удовлетворительно, приспособившись къ казеннымъ мѣстамъ съ болѣшимъ или меньшимъ окладами жалованья; непопавшіе же въ число этихъ счастливицевъ опять остаются пролетаріями, не находя въ себѣ ни физической энергіи, ни ума къ самостоятельному примѣненію своего труда, къ современнымъ требованіямъ общества. Если зданіе существующаго общобразованія въ настоящее время лучшими педагогами всего свѣта признано негоднымъ, то будетъ раціонально не исправлять его и перестраивать, а на мѣсто стараго построить новое. Архитекторомъ для плана этой постройки можетъ служить только раціональная психологія, соединенная и подкрѣпленная педагогіей.

Предлагаемый нами здѣсь методъ культуры ума прямо вытекаетъ, какъ убѣдится читатель, изъ предпосланной ему въ этой книгѣ нашей теоріи психологіи ума. Послѣдняя, въ свою очередь, создана не метафизическими фантазіями, не есть плодъ предвзятыхъ идей, а объясненіе психическихъ явленій на основаніи законовъ, управляющихъ вообще біологическими и фізіологическими процессами въ организмѣ. Этимъ путемъ психологія превратилась въ частный отдѣлъ фізіологіи, а педагогика представляется частью общей гігіены, имѣющей цѣли способствовать здоровому развитію мыслевго процесса, разума и чувства. Вмѣстѣ съ теоріей чувствъ и этики будетъ нами изложенъ методъ нравственнаго воспитанія; здѣсь-же

мы ограничиваемся только изложеніемъ культуры одного лишь объективнаго мышленія и разума.

Методъ предполагаемаго мною воспитанія не есть только плодъ теоретическихъ выводовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и многочисленныхъ внимательныхъ изученій психической природы человѣка отъ перваго дѣтства до возмужалости. Болѣе 35 лѣтъ моя профессія постоянно удерживаетъ меня въ средѣ дѣтей всѣхъ возрастовъ до юношескаго включительно. Въ продолженіе этого времени я ихъ наблюдалъ на одрѣ болѣзни выздоравливающихъ и здоровыхъ. Дружба этихъ дорогихъ мнѣ созданій побуждала ихъ откровенно дѣлить со мною свои радости и печали. Много выстрадалъ я съ ними отъ педагогической кривды. Передъ моими глазами проходили сотни близкихъ мнѣ дѣтей во время ихъ среднего образованія, и я, видѣлъ, какъ пропорціонально проходимоу курсу блѣднѣли ихъ лица, увядали ихъ мышцы и портился ихъ характеръ.

Дѣтская беззаботность, веселье, любопытство и склонность къ энергическимъ тѣлодвиженіямъ вскорѣ замѣнялись старческою угрюмостью, раздражительностью, постоянною боязнію чего-то дурного, неувѣренностью въ себѣ и апатіей къ природѣ, всему окружающему и даже активнымъ движеніямъ. Если сравнить результаты знанія и ума, выносимые нашими дѣтьми изъ средней школы съ вышеизложенными жертвами, которыми оно покупается, то невольно сердце обольется кровью у каждаго честнаго и добраго человѣка.

Предполагаемый нами методъ, какъ убѣдится читатель, даетъ возможность:

1) Соединить воспитаніе съ обученіемъ, причемъ дѣти не приковываются къ школьной скамейкѣ и не обременяются долгимъ и непосильнымъ изученіемъ книжныхъ уроковъ.

2) Воспитаніе и обученіе проходитъ болѣею частію въ движеніяхъ, оно дѣлается для дѣтей удовольствіемъ, а не тяжкимъ бременемъ.

3) Главное основаніе воспитанія и обученія составляетъ непосредственное изученіе природы во всѣхъ ея проявленіяхъ, почему воспитанники не прерываютъ связи съ нею, не превращаются въ буквоѣдовъ и книжниковъ, а навсегда со-

храняють обаяніе дѣйствительности и величія этого единственнаго источника человѣческихъ знаній и пониманія.

4) Дѣти, которыя вслѣдствіе различныхъ несчастныхъ условій не могутъ пройти всего курса воспитанія, оставляють школу здоровыми, съ привычкою къ объективной наблюдательности вообще и природы въ особенности, эти дѣти съумѣють примѣниться къ каждому ремеслу и другимъ занятіямъ, внося въ нихъ здоровый взглядъ на вещи. Юноши, достигшіе полнаго развитія разума, съумѣють внести въ каждую отрасль общественной специальности здоровую умственную, физическую силу и вездѣ будутъ полезными дѣателями. Въ университетахъ они не будутъ продолжать прежнюю школьную жизнь изученіемъ наизусть литографированныхъ записокъ профессоровъ, а будутъ относиться къ наукѣ, какъ зрѣлые люди, обладающіе самостоятельной критикой и пониманіемъ.

ГЛАВА I.

§ 1. Могуущественнѣйшая сила во всемъ мірѣ есть умъ. Онъ является исключительнымъ достояніемъ человѣчества и, благодаря ему, оно возвышено надъ всѣмъ существующимъ въ природѣ. Въ немъ оно находитъ средства и умѣнье въ борьбѣ за существованіе, и источникъ прогресса въ области знанія и нравственныхъ началъ. Умъ далъ намъ познаніе предметовъ вселенной и законовъ, которыми управляется бѣльшая часть доступныхъ намъ явленій природы. Всѣ научныя открытія, совершившія такой переворотъ въ жизни современныхъ народовъ и въ ихъ отношеніяхъ, и такъ рѣзко отличающія культурныя общества отъ неразвитыхъ прошлаго и настоящаго времени, могутъ быть приписаны исключительно разуму.

Умъ не только даетъ познаніе доступныхъ органамъ чувствъ явленій, а также объектовъ внѣшняго міра и законовъ ихъ отношеній, но, какъ субъектъ, дѣлаетъ своимъ объектомъ чужія и собственныя мысли, идеи. Путемъ ихъ анализа и критики онъ очищаетъ истину отъ лжи, освобождаетъ человѣка отъ подчиненія ложнымъ ученіямъ и софизмамъ, отъ суевѣрій и предразсудковъ, стѣснивавшихъ постоянно человечество съ прямого пути и, такимъ образомъ, стоившихъ ему столькихъ тяжелыхъ жертвъ и утратъ. Въ своемъ могуществѣ, умъ человѣческій противопоставляетъ себя всему порядку все-

ленной. Въ ней господствуютъ стихійныя силы, и самымъ депотическимъ образомъ „право сильнаго“.

Голось единого разума впервые противопоставилъ деспотизму физической силы справедливость и равноправность. Опираясь на эти идеи, слабый и неимущій могутъ противостоять богатому и могущественному. Обездоленные и несчастные, молча страдавшіе и несшіе тяжелый крестъ жизни, ободренные идеями справедливости и равноправности громко предъявляютъ свои человѣческія права, которыя въ культурныхъ странахъ находятъ болѣе и болѣе обязательное удовлетвореніе.

Высшій разумъ постоянно борется въ человѣкѣ съ его эгоистическими и животными страстями, чувствами, съ фантастическими идеалами, не отвѣчающими дѣйствительной возможности. Тамъ, гдѣ его сила можетъ побѣдить своихъ враговъ, человѣческая нравственность прогрессируетъ, не отклоняясь въ сторону эгоизма, не увлекаясь несбыточными порывами и требованіями, быть можетъ, справедливыми, но не отвѣчающими степени данной человѣческой культуры. Естественное стремленіе разума выражается въ жаднѣ познанія истины не индивидуальной и субъективной, а абсолютной и видовой. Эта высшая внутренняя работа отвлекаетъ вниманіе мыслителя отъ его собственныхъ животныхъ инстинктовъ и индивидуальной замкнутости, и уноситъ его въ міръ видовыхъ интересовъ. Подобная умственная работа, для которой недостаточны единичные мыслители, слагается изъ совмѣстныхъ трудовъ прошлаго и настоящаго человѣчества и, такимъ образомъ, разумъ, несмотря на растояніе времени и пространства, соединяетъ высшихъ членовъ всего человѣческаго вида въ одну семью во имя абсолютной истины и блага всего человѣчества. Однимъ словомъ, разумъ есть источникъ всего великаго и всего, что дорого человѣчеству.

Если разумъ далъ такъ много всему человѣческому виду вообще, то къ сожалѣнію, это благо далеко неравномѣрно распредѣленно въ его частностяхъ. Если мы представимъ себѣ все человѣчество въ умственномъ отношеніи пирамидой, то увидимъ, что свѣтомъ ума больше всего озаряется одна только ея верхушка; пропорціонально удаленію отъ нея къ осно-

ванію раеть тьма суевѣрія, предрасудковъ и невѣжества, а вмѣстѣ съ ними, увеличивается и человѣческая косность и бѣдствія. Даже среди Европы существуютъ народы съ страшно низкимъ уровнемъ умственнаго развитія.

Исторія культуры народовъ доказываетъ, что, прежде чѣмъ показались первые лучи разума, пробившіеся сквозь тьму невѣжества и варварства, потребовалось множество вѣковъ человѣческаго существованія. Только, мало-по-малу, съ вѣками, свѣтъ пониманія сталъ постепенно увеличиваться. Единственнымъ источникомъ этого развитія и роста интеллекта всегда была работа человѣческой мысли. Наблюдатели и ученые готовили матеріалъ частныхъ знаній и пониманія, изъ котораго люди, стоявшіе умственно во главѣ человѣчества, силой своего генія и путемъ обобщенія создавали новый приростъ ума, знанія или нравственной силы, въ видѣ той или другой мысли, идеи или научнаго закона. Продуктъ геніальнаго творчества дѣлался, такимъ образомъ, достояніемъ всего человѣчества.

Число наблюдателей, мыслителей и ихъ труды постепенно увеличиваются. Хотя медленно, но непрерывно человѣчество обогащается новыми истинами, а съ ними растетъ и человѣческій разумъ. Изъ сказаннаго мы видимъ:

1) Что разумъ не есть готовый даръ человѣчества, а продуктъ долгой и хлопотливой работы, вѣковыхъ усилій и напряженія мыслевой энергіи болѣе одаренныхъ людей ни одного періода, ни одного только народа или расы, а всѣхъ поколѣній—всего человѣчества.

2) Что человѣческій разумъ есть эволюціонный процессъ, котораго, даже въ настоящее время, мы знаемъ только зарожденіе и первыя степени развитія. По этому началу мы можемъ лишь предугадывать дальнѣйшій его ростъ и будущую безпредѣльную силу и вліяніе на судьбы человѣчества и всей природы вообще.

3) Эволюціонный процессъ разума, въ самомъ началѣ, двигался очень медленно, по случаю малаго количества людей, принимавшихъ въ немъ участіе и вслѣдствіе трудности умственнаго общенія между отдѣльными личностями и народами. Съ тѣхъ поръ, какъ съ помощью печати результаты

мыслевой дѣятельности каждаго человѣка скоро и легко дѣлаются достояніемъ людей всѣхъ націй и сумма мыслителей и изслѣдователей природы начинаетъ постепенно увеличиваться,—эволюція разума стала прогрессивно развиваться и ускоряться.

§ 2. Но не всякій мыслевой трудъ въ отысканіи истины приводитъ къ ней. Съ самыхъ древнихъ временъ многомилліонное населеніе Азіи, особенно Китай и Индія, выдѣляло изъ себя многихъ мыслителей, мало или вовсе не обогатившихъ человѣческой разумъ. Въ самой Европѣ, сравнительно еще очень недавно, метафизикѣ и схоластикѣ посвящалось много мыслевого труда, который, тѣмъ не менѣе, не принесъ никакой пользы разуму и не далъ ни одной положительной истины для освѣщенія хотя-бы малѣйшаго уголка человѣческаго опыта. Слѣдовательно, отъ особеннаго направленія человѣческихъ изысканій, отъ способа человѣческаго мышленія зависитъ, какъ плодотворность результатовъ для развитія разума, такъ и бесплодность этого труда, когда онъ безпрестанно вращается въ заколдованномъ кругѣ человѣческихъ умствованій и философскихъ спекуляцій.

Само собою разумѣется, что величайшая задача для педагога и для государственнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы узнать тотъ путь мыслеваго теченія, который ведетъ къ познанію истины, къ развитію и расширенію разума. Чѣмъ ближе и вѣрнѣе онъ опредѣлится, чѣмъ точнѣе будетъ методъ для этого развитія, тѣмъ больше торжества для даннаго общества и всего человѣчества. Но всякій методъ есть средство къ достиженію извѣстной цѣли, и чѣмъ она яснѣе и опредѣленнѣе, тѣмъ на болѣе твердыхъ основахъ зиждется и самый методъ. Въ данномъ случаѣ, цѣль есть разумъ, но понятіе о самомъ разумѣ до того туманно, что цѣль ускользаетъ отъ взоровъ, къ ней стремящихся, а потому и положительный методъ для его развитія при такихъ условіяхъ невозможенъ. Вслѣдствіе этого, взгляды и ученія педагоговъ о средствахъ къ развитію ума, болѣею частію, такъ противорѣчивы и бездоказательны, что напоминаютъ болѣе педагогическія религіи, чѣмъ научные методы. Всѣ педагогическія системы, даже лучшихъ психологовъ, состоятъ въ раз-

личныхъ планахъ наукъ, наблюденія природы, разсужденій, искусствъ, изученіе которыхъ должно развивать умъ. Но такъ какъ для нихъ онъ представлялся чѣмъ-то отвлеченнымъ и неопредѣленнымъ, то не одна педагогическая система не могла указать на причинную связь между ея науками и развитіемъ ума. Несмотря на то, однако, что слово „умъ“ не сходитъ съ устъ какъ неразвитыхъ, такъ и культурныхъ людей—никто изъ нихъ не можетъ дать даже приблизительнаго опредѣленія того, что ими понимается подъ словомъ „умъ“. Для подтвержденія моихъ словъ познакомимся съ опредѣленіями разума выдающимися мыслителями.

§ 3. Ни объемъ, ни цѣль этого сочиненія не допускаютъ систематическаго изложенія всѣхъ опредѣленій разума. Мы здѣсь ограничимся только болѣе выдающимися изъ нихъ, насколько послѣднія извѣстны, чтобы убѣдиться въ какой степени они даютъ удовлетворительное и отчетливое понятіе о разумѣ.

1) John Locke родился въ 1632 году, а въ 1870 г. издалъ свое гениальное сочиненіе „Essay on human understanding“. Оно сдѣлало огромный переворотъ въ пониманіи психологическихъ отпращиваній. По его ученію, для нашего познанія есть одинъ только источникъ—впечатлѣнія, дѣйствующія на органы чувствъ. „Nihil in intellectu nisi in sensu“. „Но, кромѣ внѣшняго, есть еще и внутренній опытъ. Наружный опытъ состоитъ въ впечатлѣніяхъ внѣшнихъ предметовъ на наши органы чувствъ—sensatio. Внутренній же опытъ заключается въ наблюденіи за внутренней дѣятельностью духа, которую послѣдній совершаетъ съ пришедшими извнѣ впечатлѣніями. Познанія возникаютъ отъ того, что органы чувствъ приносятъ разсудку впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ. Разсудокъ познаетъ, что одни изъ этихъ внѣшнихъ впечатлѣній согласны между собою, а другія—разнородны (противуположны), и только изъ этихъ впечатлѣній разсудокъ образуетъ себѣ общія понятія. Точно такъ же, нѣтъ врожденныхъ практическихъ идей. Внутренній опытъ состоитъ въ наблюденіи внутренней дѣятельности духа, выражающейся въ его работѣ съ приходящими впечатлѣніями и объектами, въ самонаблюденіи внутренняго воспріятія (ощущеній) мышленія и воли—Reflexio. Sensatio et reflexio суть единственные и исключительные источ-